

Сергей Жоголь

ПРАВО НА ВЫСТРЕЛ

Повесть

Сергей Жоголь

Право на выстрел. Повесть

«Издательские решения»

Жоголь С.

Право на выстрел. Повесть / С. Жоголь — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836534-8

Повесть является призёром литературного конкурса «О таможене с любовью», посвящённого 25-летию образования Федеральной таможенной службы.

ISBN 978-5-44-836534-8

© Жоголь С.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	9
Глава третья	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Право на выстрел

Повесть

Сергей Жоголь

© Сергей Жоголь, 2017

ISBN 978-5-4483-6534-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Правила для употребления оружия Таможенною Стражею по Европейской границе»

(Санкт-Петербург),

20 (7) марта 1829 г.

«...все граждане должны почитать чинов Стражи и по их требованию останавливаться.

При неподчинении стражник должен, дважды окликнув, догнать и задержать нарушителя силой, а в случае сопротивления – употребить оружие. Если же стражник обнаружил скопление вооруженных или не имеющих с собой оружия лиц, но имеющих вещи, могущие причинить увечье, то он может сделать по ним выстрел; в случае же действительного нападения для отбития товаров или на чинов стражи, хотя бы с одним намерением – причинить им побои, стражник может употребить как холодное, так и огнестрельное оружие, с возможною однако умеренностью...

...чины же Стражи, замеченные в безнужном употреблении оружия, будут отвечать за свои деяния по закону...»,

подписано Председателем Государственного совета, Его Сиятельством, графом В. П. Кочубеем.

Утверждено Императором Николаем I.

Глава первая

в которой Генка Рыков сначала радуется, а потом испытывает жуткое разочарование

– Едут! Ей богу, едут! – кричал Рыков. – И не куда-нибудь, а на Марьевку, по старой Заборской дороге. Неужели думают, что снова проскочат. Совсем обнаглели, сволочи.

Не прикрыв за собой двери, он ввалился в приёмную, оставляя на паркете мокрые следы. В распахнутой настёж длинной кавалерийской шинели, забрызганных сапогах и с саблей на боку, Генка Рыков более походил на лихого казацкого есаула, нежели на степенного представителя приграничной Таможенной Стражи. Сидевший за массивным столом, заваленным бумагами, Лёша Манчин тут же отложил перо, отодвинул в сторонку недописанную депешу, которая была адресована самому начальнику бригады, и вытянулся, точно в приёмную вошёл, как минимум, вахмистр или унтер-офицер. Невысокий и щупленький Лёша прибыл на пост лишь пару месяцев назад, но уже был наслышан о подвигах обходчика Рыкова, сыскавшего славу лучшего следопыта всей третьей бригады.

– Кто едет? Контрабандисты? – тут же поинтересовался Лёша.

Рыков стянул отсыревшие рукавицы, сунул их подмышку и весело подмигнул.

– Они самые, братец. Они самые. Уж на этот раз мы им покажем.

Дверь кабинета распахнулась, в проёме показался Андреев.

– Что за шум? А – это ты? Вернулся?

– Так точно, вернулся, – поморщился Рыков и принялся торопливо застёгивать пуговицы шинели; встретить в штабе Андреева он никак не ожидал.

Андреев Никита Лукич, начальник Коменского поста третьей Рижской бригады, круглолицый седовласый мужчина считался человеком добрым, скорее даже мягким, но его чрезмерная нерасторопность, да ещё в сочетании с непреклонностью и упрямством, частенько вызывала у сослуживцев, как насмешки, так и разочарования. Андрееву перевалило за шестьдесят, он имел целую кучу хронических и прочих заболеваний но, несмотря на это, на покой почему-то не спешил. Перед убытием в дозор, Рыков сам возил Андреева в лазарет, где врач, осмотрев главного таможенника участка, прописал тому постельный режим. Быстро оклемался старый, проворчал Рыков сквозь зубы и вопросительно посмотрел на Манчина, тот только пожал плечами.

– Давно он вышел? – шепнул Лёше Рыков.

– Третьего дня, – так же тихо ответил Лёша.

– А где Савелич? – спросил Рыков.

– Выходной у него.

– Вот чёрт.

– Ты дверцу-то затвори. Затвори, голубчик. И нечего тут шептаться, как, впрочем, и орать на весь штаб. Зайди в кабинет и доложи как полагается, по существу: кто едет, откуда? – продолжал Андреев степенно.

Рыков прикрыл входную дверь, и, поправив сбившуюся на затылок шапку, жалобно простонал:

– Да некогда ж по существу, ваш благородь. Говорю же: по Заборской дороге едут, четыре возка, каждый о парную упряжь. Опять поди, домотканое сукно везут, из Ружицы. Нужно коней седлать, не то снова упустим. Они уже к Ключам подъезжали, когда я их увидел. Я ж сюда стрелой летел. Вон, каурую свою, совсем загнал, а вы... «Доложи. Да по существу».

– И впрямь, Никита Лукич, – вступился за обходчика Манчин. – Хотите я за Гаврилой Савельевичем слетаю. И впрямь, раз идёт обоз, нужно поспешить.

– Успеется. А ну, зайдите-ка ко мне. Оба, – Андреев вернулся в кабинет, Манчин и Рыков последовали за начальником.

Кабинет начальника Коменского таможенного поста представлял собой маленькую комнату, обставленную неброской мебелью, с камином и портьерой. Всё строго, без лишних изысков. Единственным украшением кабинета являлся портрет Его Величества, висевший прямо напротив входа. Андреев подошёл к окну и отодвинул ажурную шторку, дождик барабанил по карнизу. Никита Лукич поморщился.

– Что ты будешь делать? Льёт и льёт, – мужчина сделал несколько круговых вращений плечом. При каждом движении его лицо искажала гримаса. – Как же я не люблю такую сырость. Как осень, так хоть на стену лезь. Артроз проклятый, что б ему...

– Так вам же врач лежать прописал. Чего вы на службу-то заявились? – поинтересовался Рыков.

– Да не могу я дома. Тошно мне там, без дела тошно.

Андреев снова принялся растирать больное плечо.

– Может Глашку покликать? Она вам примочку сделает, или компресс. Пусть Лёша к ней сбегает, а заодно и Гаврилу Савельича найдёт.

– Примочку говоришь? Да нет, милый мой, не помогают мне её примочки. Раньше вот помогали, а теперь – нет.

– Тогда нужно баньку истопить. Прогреете косточки, глядишь, и пройдёт плечо. Артроз этот ваш.

– Баньку, говоришь? Банька – это хорошо, – Андреев опустил взгляд. От шапки, которую держал в руке Рыков, на полу образовалась лужа. – А ты, я смотрю, насквозь промок. Хочешь как я, под старость мучиться? Скидывай шинельку. Видишь стульчик? На него повесь, да к камину подвинь. Лёшь, сделай ка ему горячего чая.

– Никита Лукич, – жалобно застонал Манчин. – Может, я сначала за Гаврилой Савельичем слетаю?

Андреев посмотрел на парня строго.

– Не спорь! Делай, что велю!

Рыков и Манчин обменялись обречёнными взглядами.

Никита Лукич уселся за стол, вынул из ящика карту и изучал её не меньше десяти минут. Манчин тем временем сбегал в столовую и вернулся с подносом, на котором стоял стакан с дымящимся чаем и тарелка с баранками. Рыков повесил шинель и, устроившись на диване и шмыгая носом, стал громко прихлёбывать дымящийся кипяток. От горячего чая лицо обходчика покраснелось. Наконец Андреев вскинул голову, поднялся.

– Значит, из Ружицы? Четыре подводы?

Рыков тут же подскочил к столу, хлопнул по нему стаканом, едва не залив лежавшие повсюду бумаги.

– Всё так же, как и в прошлый раз. Сначала баба с лукошком прошла, потом старикашка с торбой – разведка, значит, ихняя. Убедились, что засады нет, и пустили обоз. Брать их надо, да поскорей. Ежели сейчас двинемся, то можем у Нижней Бровки их перехватить. Вот здесь, – Рыков ткнул в карту пальцем.

Андреев покачал головой.

– Не нравится мне, что они два раза по одной и той же дороге обоз гонят. Не совсем же они безголовые. Лёшь, напомни ка мне, где у нас сейчас дозоры стоят.

Манчин оживился и стал водить пальцем по карте.

– Вот здесь Носов с Бердышевым стерегут; на Гнилицах – Шубин; у Ракитовки – Марат Равилич с Тимохиным.

– Большой участок у Шубина, а он там один. Не проглядел бы кого.

– Не сунутся они на Гнилицы. Там всю дорогу размыло, – вмешался в разговор Рыков.

– А сколько у нас здесь людей осталось? – снова спросил Андреев.

– С Гаврилой Савельичем, да со мной – одиннадцать человек, – отчеканил Рыков. – Ну это без вас, конечно, да без Манчина.

Лёша надул губы и едва не расплакался.

– А чего это вы меня считать не хотите. Я хоть сейчас в засадные готов, – он с надеждой уставился на Андреева. – Никита Лукич, отпустите меня с Рыковым. Хватит мне уже бумажки перебирать. Не для этого я в Таможенную Стражу вступил. Я на настоящее дело хочу.

Рыков отвернулся и усмехнулся в кулак.

– Никуда я тебя не отпущу. Второй день сидишь, а отчёт в бригаду не отправлен. А сроки-то поджимают. Да и тебе, Геннадий, нечего туда ездить. Скажешь Гавриле Савельевичу, что б всех собрал, да на Нижней Бровке засаду устраивал. Вдесятером справятся. Четыре возка – для десятерых в самый раз. А ты сам сушишь да отдыхаешь. Вон, насквозь промок. Сляжешь ещё. Мне больные на посту не нужны.

– Да как же так, ваш благородь? – отшатнулся Рыков. – Я ж этих злодеев выследил. А вы меня за плетень.

– Ничего-ничего. Сказал оставаться, значит останешься. Заодно меня в баньке попаришь. Ты ведь у нас мастак по банному делу. А то от Лёшки в бане толку мало, чуть поддашь, так он сразу бежит. Вели Глашке топить, как только Гавриле мой приказ передашь. Подлечим мой артроз, да и тебя заодно, а то вон как носом шмыгаешь.

Зная, что с Андреевым спорить бесполезно, Манчин с Рыковым вышли из кабинета. Никита Лукич же, снова уткнулся в лежавшую на столе карту.

Глава вторая

которая начинается с помывки, а заканчивается вынужденным выздоровлением больного

Сидя в одних подштанниках на пороге предбанника, Лёша тяжело дышал и похлёбывал из ковшика холодный клюквенный квасок. Из парилки доносились хлёсткие шлепки, хриловатое кряхтение и громкий мужской смех. Генка не просто парил Андреева, но ещё и развлекал начальника анекдотами. Правда, при этом, хохотал в основном сам Генка, Никита Лукич же лишь скромно посмеивался. Лёша уже минут двадцать как выскочил из парилки, Андреев же с Рыковым сидели там уже не менее получаса. Нельзя сказать, что Лёша совсем уж не жаловал бани. Но терпеть такой жар, какой терпел Генка Рыков, и такой какой любил Никита Лукич Андреев, Лёша конечно же не мог. Отчего же он такой невезучий? Даже в умении париться в бане Рыков обошёл его по всем статьям. Злополучный отчёт бригадному генералу был наконец-то отправлен, но настроение от этого у Лёши не слишком-то улучшилось. Он сидел и думал о контрабандистах, которые гнали сейчас свой товар прямо в руки Гаврилы Савельевича Иевлева и отправленных с ним людей.

Они ведь все там сейчас, мокнут под дождём, прячась за деревьями. «Как бы мне сейчас хотелось быть там, среди них, а не сидеть сейчас здесь и слушать громкое ржание Генки Рыкова, – злился Лёша. – Вы только подумайте, Рыков сразу же посчитал, что в дозор, таких как я, не берут. Ничего он не понимает, и кто только сказал, что он лучший?» Лёша кусал губы и клялся, что обязательно покажет Генке, что он тоже не из мякиша лепленный.

Из-за своих гневных размышлений Лёша не сразу заметил бегущую через огород Глашку. Прислужница Никиты Лукича, на ходу размахивала руками и что-то кричала. Лёша поставил ковшик и вышел на улицу.

– Подстрелили! Фрола подстрелили!

Наконец-то сумел разобрать Глашкины причитания Лёша. Он тут же вбежал в предбанник и распахнул дверь парилки.

– Глашка бежит!

– А ну брысь, салабон! Зачем холоду напустил? – рявкнул красный как рак Рыков. – Сам не парится и другим не даёт.

– Чего тебе, Алексей, – Андреев даже не повернул головы, – иль случилось чего?

– Глашка, говорю, бежит. Убили кого-то, – зло буркнул Лёша и тут же пожалел о сказанном.

Андреев вскочил как ошпаренный, поскользнулся и грохнулся на пол. Схватился за плечо и громко застонал. Лёша бросился к нему.

– Никита Лукич, чего ж вы так неаккуратно?

– Кого там убили? Говори толком, – серьёзно спросил Рыков.

– Да никого не убили, – крикнула с порога запыхавшаяся Глашка, миловидная деваха с вздёрнутым носиком и двумя толстыми рыжими косицами. Влетев в предбанник и увидев двух голых мужиков, она тут же отвернулась и прикрыла свои голубенькие глазёнки рукой. – Фу! Срам-то какой.

– Кого убили? Не томи, – с трудом поднимаясь, глухо проворчал Андреев. – Глянь на неё. Можно подумать, первый раз мужской отросток увидела.

– Шубин из дозора вернулся. Говорит, на мужиков каких-то нарвался. Те в него и стрелянули, ногу прострелили. Тётка Марфа рану глядела, говорит сквозная, кость не задета. Шубина перевязали и в лазарет повезли. К доктору, – затараторила Глашка, косясь на одевающих штаны

мужчин. – А про это... Так зря вы так про меня, Никита Лукич, ну... про отроки. Я девица порядочная, с кем попало не путаюсь...

– А что за мужики в Шубина стреляли? – перебил Рыков.

Глашка ойкнула и снова прижала ладошку к губам.

– Чуть не забыла. Шубин-то вам передать велел: обоз большой те мужики через Гнилицы гонят. Все телеги доверху гружёные. Помимо возниц охрана саблями да ружьями. Его как увидели, сразу палить стали, насилу ушёл.

Андреев посмотрел на Рыкова хмуро.

– Ты ж говорил, что там дорогу размыло, что не сунутся они туда.

– Ну местами-то проехать можно. Неужели они сразу в двух местах полезли, – пожал плечами Генка. – Может уловка какая.

– Уловка, не уловка, но ситуацию обмозговать стоит.

– Чего тут мозговать? Вы, ваш благородь, одевайтесь пока да на пост ступайте, а я в лазарет побегу, расспрошу Шубина. Ох, что же делать-то.

Рыков, не намотав портянок, сунул ноги в сапоги и, застёгивая на ходу пуговицы мундира, рванул во двор.

– Вот торопыга. Хоть бы шапку надел, – проворчал Андреев.

Спустя полчаса Лёша с Андреевым слушали спешную речь Рыкова:

– Сколько их точно, он не успел разглядеть. Говорит не меньше двенадцати повозок. Охрана при обозе – человек семь, все верхами. За Шубиным погнались, но потом отстали. Дорога действительно никудышная, поэтому медленно идут. Ты уж прости меня Никита Лукич. Но я тебя не спросясь, Ванюшку, сына Тольки Егеря на дальнюю станицу отправил, к казачкам за помощью. А ещё Степану Воронину, ну тому, которого с пятой бригады перевели, велел коней седлать.

– Воронину? Этот-то откуда взялся? Он же в отпуску.

– Он оказывается ещё давеча вернулся, да, похоже, малость загулял, оттого и не доложился. Поеду с ним Гнилицы, попытаемся обоз задержать, пока казачки не подоспеют.

Андреев потёр гладковыбритый подбородок. Сказал:

– До станицы сутки скакать. Пока казаки соберутся, пока явятся, эх... Шубина с вами тоже не пошлешь – не ходячий.

– Меня возьмите, – взмолился Лёша. – Возьмите, не пожалеете. Я не подведу.

Рыков кивнул.

– Пусть парень едет. У нас теперь каждый человек на вес золота. Да и Воронина этого я не особо знаю. Смурной он какой-то.

Лёша восторженно посмотрел на Генку. Андреев покачал головой и крикнул:

– Глашка! А ну, подь сюды!

Девка, которая всё это время сидела в коридоре, влетела в кабинет, держа в руке недоенное яблоко.

– Вот возьми, – Андреев бросил на стол связку ключей. – Запрешь здесь всё. И смотри, чтобы никто не забрался. Бумаги тут в сейфе. Секретные. А мы, значитца, вчетвером на перехват поедем.

Глашка сунула огрызок в карман сарафана, осторожно взяла в руки связку и с тревогой в голосе спросила:

– Может напрасно вы, Никита Лукич? С вашими-то болячками? До Гнилиц-то вон сколько скакать. Вы на коня-то взобраться сумеете? Может бог с ним, с этим обозом? Не эти первые, не эти последние. Вон их сколько, через границу шастает. Поберегли бы себя.

Андреев погрозил девке пальцем.

– Ты мне воду здесь не мутить, Глафира. Не дело это – знать, что контрабанда идёт, и не делать ничего, чтобы её остановить. А что же до болячек моих... Эх, где наша не пропадала.

Ничего со мной не станется. Я же армейский офицер. Пусть и отставной. Старый конь борозды не портит.

– Так он и не пашет глубоко, – не унималась девка.

– Ступай, ступай, Глафира. И не отговаривай, – Андреев повернулся к Манчину с Рыковым. – Ну что, братцы. Как же я строй покину, в такую-то минуту? Ступайте, седлайте коней.

Глава третья

в которой Лёша Манчин убеждается в том, что чрезмерное рвение иногда может сослужить недобрую службу

Дождь прекратился, но за время пути полы шинели промокли и камнем тянули к земле. Прилипшая к сапогам грязь сделала их похожими на кандалные колодки. Лёша сжимал одеревеневшими пальцами цевьё старенькой трёхлинейки, из которой за всё время службы на посту ему ещё ни разу не довелось пострелять. Дорога на Гнилицы петляла изгибами, местами равнину кутал густой непроглядный туман. Из-за тумана не было видно того, что творилось в низинах, но с холма, на котором Рыков предложил выставить засаду, большая часть Гнилицинского тракта просматривалась хорошо. Поэтому, когда вереница повозок выплыла из тумана, Лёша, которому Рыков велел наблюдать за дорогой, сразу увидел её.

– Вон они, Никита Лукич. Еле-еле тащатся.

Из овражка, где таможенники оставили лошадей, вынырнул Рыков и, пригибаясь к земле, подкрался к кустам, в которых прятался Лёша.

– У-у-у, зараза. Ошибся Фролка: не семь конных – девять.

– Оно и не мудрено перепутать, когда в тебя из ружей палят, – тяжело дыша, проговорил подошедший вслед за Рыковым Андреев.

– Ну, что Лёшка, давно ты мечтал с контрабандистами встретиться, – продолжал Рыков. – Вот дождался, любуйся на них, на супостатов. Страшно, небось? Жалеешь теперь, что с нами увязался?

– Ещё чего? – задиристо фыркнул Лёша. – Чего мне их страшиться? Хотя публика интересная: вон те двое, что с усами, – на татар похожи; чернявый, что впереди, – не иначе цыган; а остальные – мужики как мужики.

– Наши мужики в лаптях ходят, а эти, глянь, кто в яловых сапожках, кто в башмаках немецких.

– Подумаешь, в башмаках. Всего-то разницы. Всё равно ничего такого в этих мужиках нет, в смысле ничего страшного.

– Что в них страшного – это тебе Шубин скажет, – покачал головой Андреев. – Ружья то у них не игрушечные, да почитай у каждого топор иль ножик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.